

Е. В. Борогулина

УСЛОВИЯ ТРУДА МЕЛКИХ ПРОМЫШЛЕННИКОВ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ в конце XIX в.

В большинстве кустарных заведений условия для работы на протяжении рассматриваемого периода оставались тяжелыми и вредными. Непригодность производственных помещений, отсутствие вентиляции, сырость, грязь, плохое освещение были обычными для мелких мастерских кустарей и ремесленников. Вот как описывались, например, условия труда шерстобитов Тобольской губернии в 1889 г.: «Атмосфера в мастерской убийственная: пыль от взбиваемой шерсти стоит облаком, садится на легкие и засоряет глаза...»¹. Не в лучшем положении были кустари других специальностей. Так, в кожевенном производстве в 80-е гг. XIX в. только более зажиточные крестьяне имели отдельные кожевни, у остальных же они располагались в жилых избах. Еще более конкретная информация дается в отчете за 1895 г. ветеринарного врача в г. Тобольске и Тобольском округе К. Подолинского, который обследовал в семидесяти селениях Тобольского округа 226 кожевенных заведений и выявил, что в 219 случаях выделка сырья производилась при жилых (!) помещениях. Большинство рабочих казарм в местах сосредоточения рыбного промысла были тесными, грязными, без вентиляции. Некоторые из них не имели даже нар, а на ряде пунктов лова рабочие «довольствовались только плетеными шалашами». Медицинская помощь чаще всего отсутствовала. Рабочий день превышал 12 часов в сутки. Во время отдыха промысловиков нередко заставляли чистить рыбу. По воскресеньям они также трудились. Получали же за сезон от 25 до 60 руб. Почти все овчинно-шубные и пимакатные заведения Ишимского уезда не отвечали санитарным требованиям. Ветеринарным надзором в 1901 г. из 66 предприятий указанных отраслей мелкой промышленности было предназначено к закрытию 33 заведения, т. е. 50%. В санитарно-гигиеническом отношении и местные маслодельни оставляли желать лучшего. Например, на одном из осмотренных начальником отделения отдела торговли А. А. Мурашкинцевым в 1901 г. заводов маслодельня помещалась в избе, состоящей из двух комнат. Полы были досчатые, со щелями, куда свободно проникало пролившееся отработанное молоко; на дверях имелась плесень, под полом избы — зловонная лужа гниющего обрата. Сзади к избе примыкала загородка для скота, где помещались свиньи².

¹ ГУ ГАКО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 29. Л. 19.

² Сибирские вопросы. 1908. № 19–20. С. 40–41; Народная газета. 1912. 27 янв.

Низким оставался жизненный уровень мелких промышленников Тобольской губернии. Заработки были небольшими, а в некоторых промыслах едва превосходили затраты. Это касалось, например, коврового производства в Тюменском округе. Для того чтобы сделать ковер, необходима была работа двух мастериц в продолжение двух дней. Затраты на материал стоили для производителей 1 руб. 5 коп., между тем как на рынке в г. Тюмени готовый ковер стоил 1 руб. 20 коп. Очевидно, что ковровое производство не давало кустарям какую-либо пользу, тем более, что ковры уходили к потребителю через скупщика, который платил за ковер ниже рыночной цены. «Как посчитаешь, — говорили мастерицы, — так от работы ковров ничего-то и не остается — только что руки сложа не сидели...» Некоторые ковровщицы занимались преимущественно изготовлением за-

казной работы, чтобы гарантировать себе хотя бы минимальный заработок. Они приглашали к себе в помощь заведомо хороших мастериц и платили им понедельную плату — 50–60 коп. Поскольку хорошие ткальи соглашались работать на таких условиях, то понятно, что стоимость их труда от самостоятельной деятельности не могла предоставить им большей выгоды. Незначительными были доходы и в других промыслах. Величина месячного заработка от колесного, столярного и слесарного производств составляла примерно 10 руб., от тележного — 3 руб., портняжного — до 6 руб., кирпичного — 3 руб. 50 коп. Конечно, в большинстве своем, промысел составлял лишь побочное занятие производителя, это следует учитывать и рассматривать доходы от промысловой деятельности в данном случае лишь как дополнительный заработок, который не мог быть значительным. Так, рыболовный промысел в Тюкалинском округе приносил за сезон доход до 30 руб., шерстобитный — до

15 руб., рогожный — до 40 руб., кожевенный — до 12 руб., пинокатный — в среднем 10 руб. на мастера за зиму, сапожный — от 7 до 20 руб. в год при непостоянности этого производства. Интерес для нас представляет бюджет семьи среднего достатка за 1887 г., состоящей из девяти человек — трех работников и шести иждивенцев. Семья имела 12 десятин земли, 7 рабочих лошадей и 3 коровы. Ее годовой доход от хлебопашества составил 202 руб. 95 коп., а необходимый расход достиг 228 руб. 30 коп. Дефицит бюджета пополнялся мелкими заработками. Источником этих заработков была, в том числе, и промысловая деятельность. Например, глава семьи В. Круглов (45 лет) за зиму добыл рыбы на 6 руб., которую продал на торжке его 20-летний сын, а жена (А. Круглова) соткала холста на 8 руб.³ Кроме того, часть необходимых в быту продуктов кустарного производства изготовлялась в семье Кругловых для собственного потребления, например тот же холст.

Из Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. видно, что 10,2% всех жителей Тобольской губернии, получающих главные средства к жизни от сельского хозяйства, рыболовства или охоты, увеличивали при этом свой бюджет за счет ремесла, занимаясь им в свободное от основного дела время.

Однако даже в тех случаях, где хлебопашество было заброшено и промысловая деятельность становилась основной, заработки часто были небольшими. Так, около д. Климиной Колмаковской волости Тюкалинского округа был выселок из восьми домов, жители которого занимались исключительно рыболовством и выручали от продажи рыбы от 100 до 200 руб. ежегодно на каждую семью; в двух деревнях Ялуторовского округа 68 человек, занятых постоянно в овчинно-шубном промысле, выручали ежемесячно 20–22 руб. каждый; тобольские мастера-сапожники имели от своего производства 13–40 руб., а тюменские кожевенники — от 8 до 21 руб. в месяц⁴.

Особенно низким был доход наемных рабочих в кустарно-ремесленном производстве. К сожалению, не представляется

³ Подсчитано по: ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 23. Д. 195. Л. 7, 37.

⁴ ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 351. Л. 2-16; Д. 356. Л. 6-13; Вестник коопераций. 1913. № 9. С. 10.

возможным подсчитать их общую численность по Тобольской губернии, т. к. среди мелких промышленников широко бытовали скрытые формы найма; кроме того, в промыслах было занято большое количество сезонных рабочих и подростков, которые чаще всего никем не регистрировались. Лишь по «Обзорам» Тобольской губернии мы можем ориентировочно судить о числе кустарей и ремесленников, включая учеников и рабочих. Их численность в середине 80-х гг. XIX в. была 11 720 человек, что составляло 26% от общего числа промысловиков. В городах этот процент значительно возрастал из-за большей концентрации мелкого производства и достигал 49,6%⁵. За 1873–1883 гг. число наемных рабочих в мелкой обрабатывающей промышленности губернии увеличилось на 8%. Рост наемного труда наблюдался особенно в тех промыслах, которые уже выходили за рамки простого товарного производства. Например, в кожевенном промысле наемный труд использовали 76% кустарей, в овчинно-шубном — 81,6%⁶.

Заработная плата рабочих в промыслах Тобольской губернии была невысокой и в целом ниже среднероссийских показателей, а также и среднесибирских. Если в среднем по Тобольской губернии они, по данным на 1897 г., получали 10 руб. 20 коп. в месяц, то в среднем по Сибири — 13 руб. 20 коп. в месяц⁷. Стоимость рабочих рук в сельских кустарных заведениях нашего края была существенно ниже общегубернского показателя.

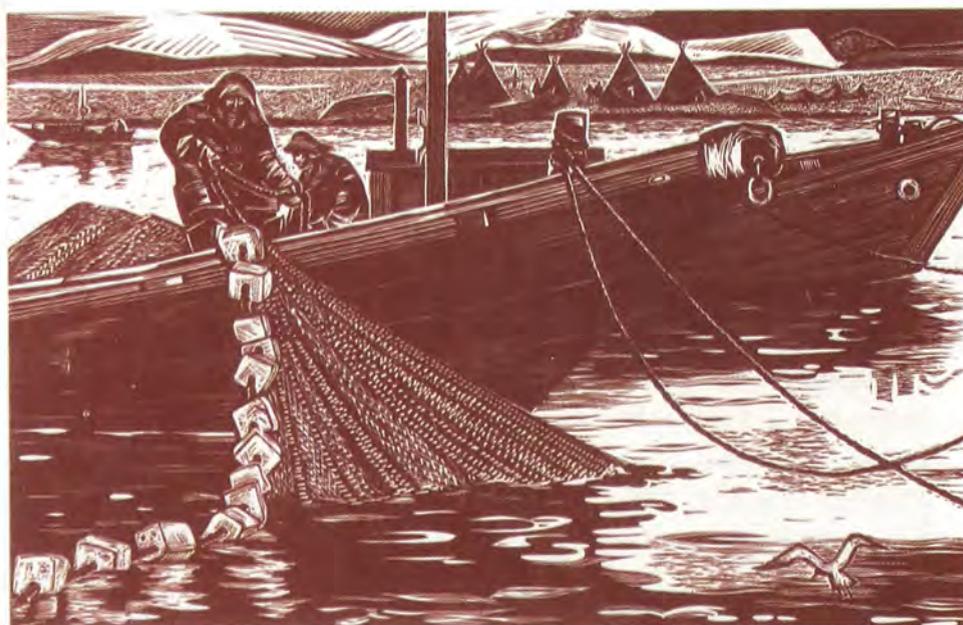
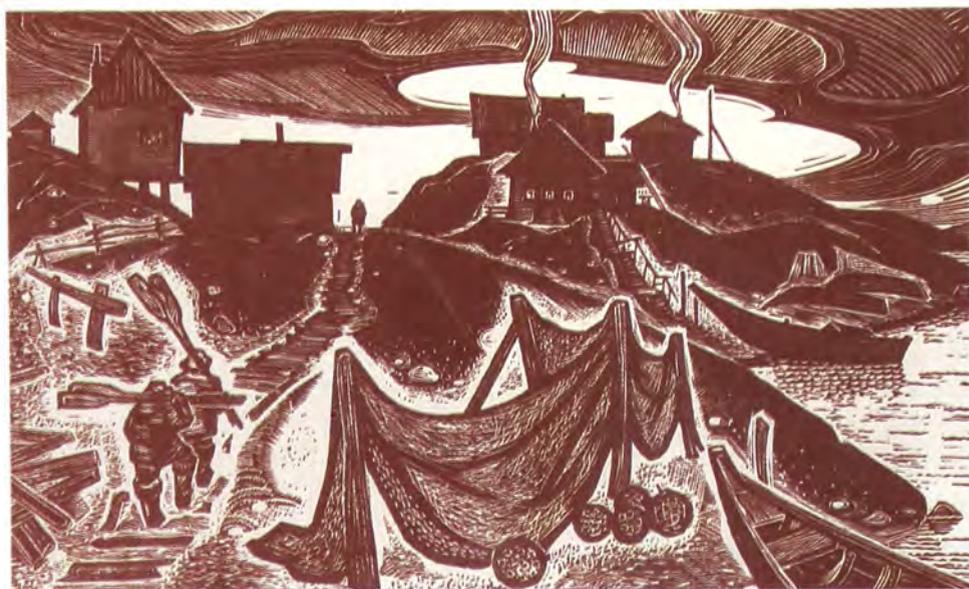
Приведенные выше данные в значительной мере являются условными, т. к. они не учитывают половой и возрастной состав рабочих, их квалификацию. Например, среди рабочих кожевенн. Тюмени преобладали (около 60%) женщины и подростки; если мастер-мужчина получал здесь 15–30 руб., то женщина-

⁵ Подсчитано по б. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 23. Д. 195. Л. 10-12; Ф. 580. Оп. 1. Д. 115. Л. 23.

⁶ ГУ ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 81. Л. 1.

⁷ Тобольские губернские ведомости. 1914. № 30; 1916. № 4.

мастерица — 10 руб., рабочий — 8–10 руб., работница — 6–8 руб., подросток — 3–5 руб. в месяц⁸. Кроме того, в мелкой промышленности губернии в рассматриваемый период применялись и такие формы заработной платы, как содержание на хозяйских харчах и натуральная оплата. При этом в городском кустарно-ремесленном производстве преобладал 12–14-часовой рабочий день, как и в Европейской России, но на ряде предприятий, особенно в кожевенных и овчинно-шубных, рабочий день был иногда больше средних показателей⁹. Продолжительность рабочего времени в крестьянских промыслах значительно превышала этот показатель.

Степень эксплуатации наемных работников в мелкой промышленности была велика. Один предприниматель-кожевник получал в свою пользу больше, чем 10 его рабочих¹⁰. Большие прибыли имели и рыбопромышленники. Рыболовный сезон продолжался с июня до сентября. Рабочий день на промыслах

⁸ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 1377. Л. 1, 12.

⁹ Сибирский листок. 1916. 13 дек.

¹⁰ ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 1374. Л. 101–121.

не был ограничен. Жили рабочие в холодных дощатых сараях без полов, спали прямо на земле или низких нарах. Доктор Матвеев сообщал в 1879 г.: «Там (т. е. на промыслах) не только не заботятся о чистоте помещений и воздуха, но даже необходимое тепло признается, по-видимому, излишним; в щелеватой досчатой избе, без печки, окон и пола, на голых нарах спят до 20 человек... Сырость, холод, грязь, режущий глаза дым от костра, — вот чем сменяется трудовой день рабочего...». Рыбопромышленник не нес никакой ответственности за производственные травмы. Медицинская помощь полностью отсутствовала. Хозяйский харч был очень скудным. «Пищью служит хлеб и засушенная каша, да и та с песком... Кроме того, рабочие жалуются на кулачные с ними расправы, особенно достается подросткам, которых бывает калечат... Жалуются на бесчеловечное обращение с больными...» Содержание рабочего обходилось предпринимателю в 2,5–3 руб. в месяц. Зарплата каждого составляла 10–20 руб. за лето. Рыбопромышленник использовал любую возможность для увеличения своей прибыли. Например, в контрактах время начала и окончания сроков работ определялось неточно: «с открытия реки до заморозу», «с 1 июня до возвращения судна в Тобольск» и т. п.¹¹ В зависимости от климатических условий срок найма иногда удлинялся на целый месяц, но зарплата от этого не увеличивалась, т. к. она определялась сразу на весь сезон. Наем часто происходил не весной перед отправлением на промыслы, а осенью. Нанимающийся получал в счет будущей деятельности задаток в размере 3/4 условленной платы и, таким образом, его работа в следующем году являлась уже не результатом капиталистического договора о найме, а отработкой за долги, что позволяло предпринимателям существенно занижать заработную плату. Кабальная зависимость такого

¹¹ ГУ ГАТО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 20. Л. 10-67 об.; Народная газета. 1914. 2 нояб.

рабочего часто продолжалась из года в год, т. к., вернувшись после рыболовного сезона, он, чтобы протянуть до следующего лета, снова забирал большую часть будущей платы в задаток. Подобные расчеты наблюдались в кожевенном, сапожном и ряде других промыслов. Даже в городах некоторые владельцы еще практиковали данную форму оплаты труда. Происходило своеобразное прикрепление рабочего к месту работы, т. к. он не мог уйти от предпринимателя без отработки долга¹². Все это было выражением прежних докапиталистических отношений, позволяющих говорить лишь о начальном процессе социального расслоения в среде кустарей и ремесленников.

К положению наемных рабочих в конце XIX в. приблизились и работники на дому, выполнявшие заказы предпринимателя,

который нередко выступал по отношению к ним в роли ростовщика, что также свидетельствовало о незрелости капитализма. Условия труда и тяжесть положения наемного работника в мелкой промышленности часто усугублялись бедностью большинства предпринимателей, их безнаказанностью.

Превращение кустарей в наемных рабочих

происходило в завуалированных формах, т. к. отделение непосредственных производителей от средств производства в кустарной промышленности шло очень медленно и кустари достаточно долго еще сохраняли формальную самостоятельность, хотя так или иначе давно уже продавали свои рабочие руки. Первоначально они попадали в зависимость от скупщиков, которые выступали в роли посредника между производителем и потребителем. К 90-м гг. XIX в. во многих отраслях губернской мелкой промышленности сбыт продукции шел уже в основном через скупщиков, а некоторые промыслы, например рогожноточальный, были подчинены им полностью. Заработки кустарей и ремесленников заметно снизились. Скупщик же не ограничивался только торговыми операциями, а занимался и ростовщичеством. Очень часто он, соединяя торговлю с ростовщичеством, забирал за долг весь товар кустаря, закабалая его. Этот процесс шел медленно, но был неминуемым для большей части мелких

¹² Сведения о Сибири: Сб. ст. «Сельского вестника» о Сибири и переселениях. СПб., 1897. С. 31.

товаропроизводителей, т. к. они были не в состоянии вести производство самостоятельно и часто брали деньги у скупщика под залог кустарных изделий. Временные обязательства кустаря по отношению к скупщику с уплатой долга прекращались, но в том-то и дело, что уплатить его чаще всего не удавалось, и обычно кустарь оставался в «неоплатном долгу». Если до этого мелкий товаропроизводитель не был лишен права смены и выбора скупщика, то с ростом долга положение его и условия труда менялись, он не только терял это право, но и становился кабальнозависимым от своего кредитора. Сразу же начинался беззастенчивый грабеж. Часто купцы забирали товар у должника за половину продажной цены¹³. Экономическая зависимость бывших самостоятельных производителей существенным образом отражалась и на их заработках. Если в 1875–1876 гг. за каждую выделанную кожу кожевник получал 70–80 коп., то в 80-е гг. XIX в., когда среди мелких промышленников данной отрасли кустарного производства уже широко практиковалась работа на скупщиков, — 35–50 коп. Тяжелейшими были формы пользования кредитом. Пимокаты платили скупщику за трехмесячный кредит 25% от стоимости сырья, веревочники — 45%, рогожники — 50% годовых.

Низкими были и технические характеристики кустарного производства. Так, большинство маслодельных заводов не имели не только машин, но и хорошо приспособленных помещений и ледников¹⁴. Примитивным оставалась оборудование на кожевенных предприятиях. Даже в 1900 г. из 17 кожевен г. Тюмени, обследованных ветеринарным врачом Бодем, не оказалось ни одной, где бы применялся механический двигатель¹⁵. Вообще, производственное оборудование кустарей было простейшим. Орудия труда нередко производились в своем же хозяйстве. Высокая цена оборудования и инструментов фабричного производства делала их недоступными для основной массы мелких промышленных товаропроизводителей.

¹³ Сибирский листок. 1893. № 12.

¹⁴ ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 334. Л. 48–50 об.

¹⁵ Заведения, обрабатывающие сырые животные продукты в Тобольской губернии 1898–1900 гг. Б. м., б. г. С. 1–15.